

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры ¹⁾.

Наскочили на мину.

Трое сутокъ густой туманъ висѣлъ надъ Владивостокомъ; сначала онъ былъ мокрый, холодный, потомъ понемногу теплѣлъ и когда, послѣ суточной борьбы съ солнцемъ, къ полдню разсѣялся, экипажамъ крейсеровъ неожиданно представилась чудная картина. Противоположный городу сѣроватый берегъ залива Золотой Рогъ, покрытый низкими деревцами, лишенными листвы, загрязненный угольными складами, сдѣлался неузнаваемымъ: живительный туманъ одѣлъ голые стволы и вѣтви деревъ яркой зеленью,—еще не густая, своей свѣжестью неудержимо влекла она взоръ отдохнуть на ней; угольные пристани сдѣлались живописными, а грязноватые казенные дома, разбросанные въ глубь берега и незамѣтные раньше на тускломъ сѣромъ фонѣ, теперь, пестрѣя цвѣтными крышами и освѣщенные яркимъ солнцемъ, казались ослѣпительно бѣлыми. Не даромъ послѣ такихъ перемѣнъ этотъ берегъ стали называть Итальянскимъ.

Наступала весна 1905 года; за Итальянскимъ берегомъ зазеленѣли и сады города, и рѣдкая растительность прилегающихъ къ городу высотъ, и мрачный островъ Русскій. Природа оживала, радовалась, но въ сердцахъ, чуткихъ сердцахъ патріотовъ, таилась тревога: отъ послѣдняго матроса до жизнерадостнаго адмирала, каждый съ тоской присматривался къ общему настроенію и прислушивался къ разговорамъ, стараясь найти въ ихъ отзвукѣ предчувствіе чего-то скорбнаго, уже овладѣващаго его существомъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

Среди старой команды многострадальнаго крейсера, оставшейся на немъ послѣ боя, уже пережившей вмѣстѣ съ офицерами тяжелыя минуты посадки на камни и гнетущій строй жизни во время зимней стоянки въ докѣ, изъ усть въ уста передавались загадочныя сны; молчаливо смотрѣли старые матросы, девятый годъ уже служившіе на пользу отечества, на молодыхъ, вновь прибывшихъ, матросовъ изъ экипажа: тѣхъ не охватила еще любовь къ своему кораблю, къ родному флоту; далеки они были отъ старыхъ офицеровъ, не дрались они въ бою рядомъ съ погибшими товарищами; не знали еще сложнаго морского дѣла—гдѣ имъ было чувствовать приближеніе какого-то горя! Безъ знанія своего прямого дѣла, безъ заслуги честно несенной службы, безъ чувства удовлетворенія послѣ мужественной выдержки горькихъ и тяжелыхъ испытаній, пришли они на крейсеръ и внесли фальшь новаго вѣянія, какъ волна докатившагося изъ Европейскихъ окраинъ Россіи, или вѣроломно подкравшагося изъ нѣдръ вражеской страны.

„А намедни блаженный видѣлъ, будто бы прилетѣлъ на крейсеръ подстрѣленный орелъ, сѣлъ на фокъ-рей, а кровь изъ крыла такъ и падаетъ на палубы“,—тихо говорилъ старшій комендоръ, обтирая по утреннему расписанію восьмидюймовую пушку на ютѣ, своему второму номеру, недавно прибывшему изъ экипажа комендору.—„На то и блаженный, чтобы попусту болтать“—развязно отвѣчалъ тотъ: „а почему это вы его блаженнымъ называете“?—„Человѣкъ онъ особенный, къ примѣру скажемъ, кажинный день Богу молится, да не то что на молитвѣ, какъ мы грѣшныя, а припадаетъ къ иконѣ нашей и долго стоитъ у нея, особливо когда никого нѣтъ, и не за себя должно быть молится, а за насъ за всѣхъ. Деньги, что получаетъ, кочегаръ онъ будетъ, тратитъ на книжки, и книжки командѣ раздаетъ, а книжки все больше о хорошей жизни, о вредѣ пьянства; самъ тихій, тихій...“

„А начальству извѣстно“?—„Ротный командиръ знаетъ, дознался потому лишь, что при осмотрѣ чемодановъ у воришки одного такую книжку нашелъ... откуда взялъ?... такой-то далъ... ну, ротный къ нему, блаженный не охочъ много говорить, да ротный понимаетъ дѣло и не настаивалъ, а ужъ къ блаженному всегда съ тѣхъ поръ особое почтеніе, а ему и не надо вовсе, онъ все въ сторончкѣ, и дѣло кочегарное знаетъ первый сортъ, а на унтеръ экзамена держать не хочетъ... Что братъ не по-новому“? уже иронически закончилъ свой раз-

скавъ старшій комендоръ, призываемый дудкой во фронтъ въ разводкѣ на работы.

Былъ май мѣсяцъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили офицеры и команды за движеніемъ эскадры Рождественскаго; отрядъ, хлопотами офицеровъ и усиліями команды вооруженный чуть не двойнымъ количествомъ пушекъ, былъ ежеминутно готовъ къ выходу въ море на соединеніе съ эскадрой: три крейсера, побывавшіе подъ огнемъ непріятеля, воодушевленные относительной удачей прежнихъ походовъ, стремились подражаться рядомъ съ своими братьями, такъ необычно пересѣкшими три океана.

Придетъ ли приказаніе!? И о непріятелѣ есть свѣдѣнія; видѣли какое-то подозрительное судно около Владивостока, а кромѣ того съверяѣе были японскіе миноносцы; зачѣмъ они были?... не конвоировали ли они заградитель!.. или не забросали ли сами минами подходы къ Владивостоку?

И вотъ, однажды въ 4 часа утра крейсеръ снялся съ якоря и направился къ бону, но одинъ... почему одинъ? Скоро уже всѣ знали, что неожиданная съемка съ якоря вызвана какими-то опытами съ искровымъ телеграфомъ, только-что зарекомендовавшимъ себя съ лучшей стороны.

Развели бонъ, всегда на ночь и въ туманъ закрытый, дабы предохранить отрядъ крейсеровъ отъ нападенія предприимчиваго врага. Крейсеръ, выйдя изъ залива Золотой Рогъ, сталъ поворачивать налѣво, а изъ бухты Уллисъ показался тралящій караванъ. „Идемъ въ Уссурійскій заливъ“ замѣтилъ баковый лейтенантъ. „Это странно, въ Амурскомъ заливѣ итти гораздо спокойнѣе, туда труднѣе пройти незамѣченнымъ и надѣлать тамъ пакостей, а здѣсь для врага полная свобода дѣйствій: ни одной банки, хорошія отличительныя глубины, пришелъ ночью, сдѣлалъ бульонъ изъ минъ, да и ушелъ тихохонько и спокойненько, до разсвѣта, а тамъ лови его въ морѣ“.

„Да, вотъ для опыта нужно будетъ разговаривать съ береговой станціей, а телеграфировать изъ Амурскаго залива черезъ островъ Русскій считаютъ неудобнымъ для той цѣли, которую преслѣдуютъ“ —отвѣчалъ завѣдующій полубакомъ мичманъ. „А цѣль-то какая?“ „Туманная. Чуть ли не выяснить, на какое меньшее разстояніе можно телеграфировать этой станціей... а впрочемъ не знаю“...

„На мины премъ“—мрачно бурчалъ комендоръ у 75 м/м. пушки на шканцахъ: „въ прошломъ году миноносцы только

вылѣзуть сюда, такъ и кормы нѣтъ, и угольщики, что подвозятъ, то и дѣло въ этомъ Уссурійскомъ заливѣ о мины шлепаютъ". Тихо, поминутно останавливая ходъ, шелъ подъ эти сомнѣнія крейсеръ; тралящій караванъ, организованный во время войны, уже имѣвшій опытъ, выловивъ нѣсколько минъ, обезпечивалъ для крейсера достаточный безопасный секторъ. Нетерпѣливый, горячій адмиралъ, видимо неожиданный такого медленнаго хода, спрашивалъ безпрестанно лотовыхъ, какая глубина; офицеры, за исключеніемъ стоявшихъ на вахтѣ и штурмана, спустились внизъ; началась обыкновенная ходовая жизнь крейсера, столь знакомая ему за четырехъ-лѣтнее непрерывное плаваніе... „25 сажень, пронесло“ донесся голосъ, однообразный выкрикъ лотового. Тралящему каравану дали приказаніе отойти и вернуться во Владивостокъ; медленно, какъ бы нехотя, поворачивался тралящій караванъ, очищая дорогу для крейсера, которому уже былъ данъ ходъ въ 10 узловъ; съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли впередъ сигнальщики, разставленные на всѣхъ выступающихъ мѣстахъ крейсера, на марсѣ, на вороньемъ гнѣздѣ, чтобы не прозвѣвать какую-либо всплывшую мину.

„Мина по-носу“—донесся неестественно крикливый возгласъ съ мостика, точно человѣкъ, издавшій эти звуки, только-что получилъ болѣзненную рану. Зазвенѣлъ телеграфъ на полный задній ходъ, положенъ руль на бортъ. „Мина подъ тараномъ“—встревоженнымъ голосомъ кричитъ матросъ съ полубака и инстинктивно, держась за лееръ, откидывается корпусомъ назадъ, ожидая ежесекунднаго взрыва... Высокій столбъ воды, поднявшійся одновременно не то съ гуломъ, не то съ ударомъ, чувствовавшимся въ подводной части, залилъ лѣвое крыло верхняго мостика, облилъ стоявшихъ на лѣвомъ шкафутѣ и мягко, точно лаская, борта корабля, покотился мелкими брызгами по нимъ внизъ; вторая, незамѣченная своевременно изъ-за большого углубленія подъ водой и изъ-за неудачнаго освѣщенія солнцемъ, мина взорвалась у первой кочегарки... Водяная тревога пробита: тысячная команда, почти вся находившаяся внизу, бросилась къ своимъ мѣстамъ по расписанію, и это движеніе на крейсерѣ какъ бы производило впечатлѣніе паническаго—во входныхъ люкахъ тѣснились люди, и, стремясь выйти наверхъ, еще болѣе давили другъ друга и задерживали привычное выполненіе расписанія; да и немудрено, что толкотня эта существовала: чуть не шестьсотъ человѣкъ находилось въ шлюпочной и пластырной партіи, и всѣ они должны

быть наверху! Офицеры, находившіеся въ каютъ-компаніи, бросились по своимъ мѣстамъ; лейтенантъ и инженеръ-механикъ, назначенные быть при исправленіи поврежденій, бросились въ первую кочегарку.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ на крейсера наступило спокойствіе, и только возня около пластыря и приказанія офицеровъ и боцмана нарушали тишину; на ютъ безъ шляпы выбѣжалъ и батя, храбрый спокойный батя, такъ много принесшій пользы въ бою, такъ потрудившійся въ тотъ достопамятный день; легкій вѣтерокъ развѣялъ его роскошныя кудри, крупная фигура темнѣла на фонѣ голубого неба и рѣзко выдѣлялась среди бѣлыхъ форменокъ команды. „А гдѣ берегъ?“—обратился онъ къ стоявшему на ютѣ мичману, спокойному на видъ... „А вонъ тамъ...“ отвѣтилъ тотъ, указывая на болѣе отдаленный берегъ Уссурійскаго залива. „Дрянно“—со вздохомъ произнесъ батюшка, видимо не желая мириться съ мыслью о возможной гибели не отъ руки врага непосредственно, а отъ какой-то мины, коварно, въ ночную тьму, заброшенной хитрымъ врагомъ и, какъ выяснилось потомъ, не для отряда крейсеровъ, а для всей эскадры адмирала Рожественскаго, буде онъ пришелъ во Владивостокъ и сталъ бы входить въ портъ Уссурійскимъ заливомъ.

Въ первой кочегаркѣ было тихо: до слуха спускавшагося стремглавъ по кочегарному выходу лейтенанта не долетѣло обычнаго шарканія желѣзныхъ лопатъ по углю и площадкѣ, не долетало и звуковъ разговора, только слышалось непривычное журчаніе воды и подоврительное шипѣніе. „Ужель никого нѣтъ“—молніей пронеслось въ мозгу лейтенанта, а уже глазамъ его представилась необыденная картина. Изъ стыка дна верхней угольной ямы и изъ нижней ямы лила каскадомъ вода, на площадкахъ кочегарки лежала сорванная донка и другіе мелкіе механизмы, нѣсколько брошенныхъ кое-какъ и не у мѣста лопатъ дополняли видъ разрушенія той кочегарки, солидностью которой и на большомъ ходу гордился старшій механикъ. Изъ второго и шестого котла жаръ уже былъ выгребенъ, изъ 4-го и 8-го два черныхъ, въ вымоченной одеждѣ, человекѣ выгребали жаръ и поливали горящіе угли водой изъ каскада.

Въ одномъ изъ этихъ представителей честной службы лей-

тенантъ узналъ старшину кочегарки, квартирмейстера, въ другомъ—„блаженнаго“; а „гдѣ остальные“?—неволью сорвался у него вопросъ. „Трое старыхъ, да двое молодыхъ ранено, а остальные молодые убѣгли... испужались“—недовольнымъ, обиженнымъ за свою кочегарную честь голосомъ отвѣтилъ квартирмейстеръ, продолжая съ озлобленіемъ выгребать жаръ изъ слѣдующей топки... а блаженный продолжалъ также свое дѣло, смахивая грязными руками кровь, текущую съ лѣвой стороны щеки отъ ссадины на головѣ. „Надо послать людей сюда“—послѣ быстрого осмотра сказалъ лейтенантъ: „вы побудете здѣсь“?—обратился онъ къ механику. „Конечно“—отвѣтилъ тотъ, точно удивляясь такому вопросу. Черезъ минуту запачканный сажей лейтенантъ докладывалъ командиру, что опасности для крейсера никакой нѣтъ, и посылалъ людей въ кочегарку. „Отъ шлюпокъ и талей отойти“—бодро пронеслась по крейсеру подъ свистъ дудокъ команда, и началась кропотливая работа по заводкѣ пластыря. Медленно, чуть накренясь, точно отъ боли въ боку, возвращался крейсеръ въ портъ, и невеселыя мысли гнѣздились въ воображеніи офицеровъ и команды; не сегодня, завтра потребуетъ адмиралъ Рожественскій къ себѣ крейсера, и не можетъ пойти дорогой крейсеръ поддержать свое славное прошлое, свое доброе имя на страхъ врагамъ, на пользу родинѣ и въ свою честь, будетъ онъ одинокій стоять въ порту и смотрѣть, какъ уйдутъ два другихъ крейсера, и отъ этихъ думъ холодѣло сердце, умъ метался, стремился найти какой-нибудь способъ пойти вмѣстѣ съ ними... Уже стали изъ города доноситься слухи, распускаемые исподтишка злонамѣренными людьми, что нарочно крейсеръ вели на мины, чтобы избѣжать рѣшительнаго боя съ врагомъ. Но что эти жалкія попытки подорвать духъ въ патріотахъ въ сравненіи съ тѣмъ тяжелымъ гнетомъ, съ той безысходной тоской, которая овладѣла всѣмъ существомъ любящихъ родину, когда той же злополучной искровой станціей крейсера впервые стали получать телеграммы съ подлетающей къ Владивостоку раненой птицы—посыльнаго судна эскадры адмирала Рожественскаго?

Какъ капли крови изъ крыла птицы, падая на палубу, образуютъ пятна, которыя трудно стереть, которыя нужно выскабливать, медленно разбиравшіяся шифрованные слова телеграммы проникали въ душу, оставляя въ ней неизгладимую печать.

Только неустанная работа отъ мала до велика въ пользу

родного флота, только единодушное стремленіе въ возмездію дадутъ возможность зарубцеваться этой ранѣ, и тогда въ ореолѣ честно исполненнаго передъ родиной долга, въ ореолѣ возродившейся побѣдной славы, не съ горькой досадой будетъ носить этотъ рубецъ, а съ чувствомъ полного нравственнаго удовлетворенія и благодарностью за неиспытанное свыше испытаніе.

Славлюсь.

